

Владимир Пуховцев

Прóкляты́й город

Владимир Пуховцев

Прóклятый город

«Издательские решения»

Пуховцев В. И.

Проклятый город / В. И. Пуховцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851853-9

Жители одного из городов решили переименовать его, дав название в честь основателя градообразующего предприятия, покончившего жизнь самоубийством. Теперь люди непроизвольно славили проклятого, что позволило его душе обрести способность проникать в наш мир. Главные герои пытаются противостоять этому вторжению. В целом охарактеризовал бы роман, как приключенческий роман ужасов. Особую пикантность роману придаёт тот факт, что автор имеет в виду переименование реально существующего города.

ISBN 978-5-44-851853-9

© Пуховцев В. И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Проклятый город

Владимир Иванович Пуховцев

© Владимир Иванович Пуховцев, 2017

ISBN 978-5-4485-1853-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Всё, что описано в этом моём романе – есть плод авторского воображения и в действительности не происходило: это в полной мере относится и к перипетиям сюжета, и к действующим персонажам.

Любителей находить несоответствия типа «а в „Дойче банке“ не так кладут деньги на расчётный счёт», или «у таможенников форма не такая» и т. п. я отсылаю к предыдущему абзацу.

Любителей находить случайные совпадения с реальной действительностью и интерпретировать их как намеренные со стороны автора, посылаю туда же.

Единственное, что я готов признать действительно имеющим место быть – это то, что саму *идею*, положенную в основу сюжета, подсказал мне факт совершенно ненужного и глупого переименования города Коммунарск в Алчевск (Луганская Народная Республика, бывш. Луганская область, Украина).

К мнению теологов и священнослужителей отнесусь с должным уважением, но останусь при своём. Какими бы добрыми делами при жизни ни отличился человек, душа которого пребывает в аду, называть город в его честь, мягко говоря, крайне некорректно по отношению к религии и Богу.

Тем, кому вдруг захочется язвительно упрекнуть автора в излишней набожности, сообщаю: вся моя религиозность сводится к уверенности в том, что в этом мире мы, люди, появились не сами по себе и не в результате эволюции. А Библия, Коран, Тора, Веды, Трипитака, Агама и пр. – есть нечто типа инструкций по правилам поведения, которые Создатель или Создатели прилагают к своим изделиям, и инструкции эти, нам – изделиям, следует уважать. То, что в основу сюжета положен факт некорректности к религии, прошу рассматривать лишь как проявление присущего автору неприятия идиотизма в любой форме и проявлениях.

Специально для тех, кому взбрѣдет в голову обвинить меня в анти патриотизме, привожу небольшой отрывок из романа «Экспансия» Юлиана Семѣновича Семѣнова (Роман-газета, №19, 1988 г., стр. 55):

– Нет города более прекрасного, чем Нью-Йорк.

– А почему его ругают ваши писатели?

– Так полагается. Ругают обычно то, без чего жить не могут. К чему равнодушны – то не ругают.

Глава 1

Я возвращался домой со смешанным чувством интереса и безразличия. Два года, проведенные в сытой, благоустроенной и подчинённой логике порядка Германии несколько разнежили меня, отдалили и позволили отдохнуть от того идиотизма, который явно надолго воцарился дома.

Очевидно, я тоже чуть-чуть стал немцем и мне по-европейски были интересны произошедшие перемены. Большая же часть меня, явно осталась славянской и безразлично взирала на проносящийся мимо окна поезда окружающий мир, скептически оценивая интерес «немецкого младшего брата». Эта славянская часть на основании опыта прожитых тридцати девяти лет, минус два в Германии, прекрасно знала способности своих соотечественников и понимала, что всерьёз рассчитывать на какие-нибудь положительные изменения в моей родной Украине, по крайней мере, наивно.

«Передерутся, перегрызутся, – подумал я, лениво зевая, – даже в мелочах общего языка найти не смогут. И так на весь мир отличились – стране уже почти три года, а собственной конституции и даже валюты нет. Ладно, конституция, это как ни крути, больше политика. Но валюта – это уже экономика, а эта капризная дамочка небрежения к себе не прощает и мстит обидчику со всей присущей женщинам страстностью».

– Таможня, граница! Таможня, граница! Таможня, граница!... – зародился в начале вагона, достиг апогея у моего купе, а затем стал удаляться голос проводницы, направив мои ленивые размышления в иное русло.

«Странно въезжать в свою бывшую родину с паспортом страны, которой уже нет, – закрутилась, было, мысль, но её сразу перебила другая: – А может ли быть Родина бывшей? – сознание тут же включило «музыкальное сопровождение» моих рассуждений мотивом песни «С чего начинается Родина?» – Остались ведь и картинка в «Букваре», и «та песня, что пела нам мать». Всё осталось, за исключением «верных товарищей». – Дополняя слова песни, сама собой всплыла мысль о том, что и подруги «верной» завести, как-то не сложилось».

Не то чтобы я был бирюком-отшельником или застенчивым индивидуумом. Нет! На всяческих, как сейчас модно говорить, корпоративных, попойках я всегда был душой, центром компании, и дамы легко дарили мне свою благосклонность. Но было что-то во мне такое, что всегда держало людей на определённом расстоянии от меня и не позволяло приятельским отношениям на работе, знакомству и легкому флирту перерасти в дружбу или привязанность. Нечто подобное описывал в каком-то из своих фантастических романов Клиффорд Саймак. У него там, рядом с героем никто даже не садился в общественном транспорте, если были другие свободные места.

«А может я тоже мутант? – подумал я, и тут же сам себе ответил на вопрос: – Просто ты всегда был белой вороной в стае чёрных ворон».

Я вполне осознанно не заводил себе друзей, поскольку рано или поздно они отвечают тебе неблагодарностью. Неблагодарность всегда объяснима. Я часто встречался с ней в жизни, намного чаще, чем с благодарностью, и потому не могу назвать её противоестественной или несвойственной людям. Те, кому мы причиняем зло, реже мстят, чем те, кому делаем добро. Я убедился в том, что благодетельствованный нами человек рано или поздно начинает нас ненавидеть. И объяснить это нетрудно. Нуждаясь в нашей помощи и получая от нас деньги или моральную поддержку, он испытывает унижение и потом мстит за горечь обиды.

Я с самого раннего детства много читал. Мать и отец неоднократно ловили меня читающим особенно захватившую меня книгу с фонариком под одеялом. Мальчишеская, а затем юношеская память легко усваивала правильную литературную речь, манеры поведения положительных героев, различные исторические и научные факты и великое множество всяческой

иной информации. Как и все другие мальчишки, я гонял мяч-шайбу, регулярно бывал бит родителями за порванные штаны и «снесенные» колени, участвовал в мордобойных противостояниях за право «дружить» с ледями, едва-едва перешагнувшими «сопливый» период своей жизни. Но результаты «запойного» увлечения книгами вначале не очень заметно, а потом всё более зримо и зримо, стали отдалять от меня сверстников, да и меня самого от них. В конце концов, наступил момент, когда мы просто перестали понимать друг друга.

«Да-а! Многие знания, многие печали, – притворно посочувствовал я сам себе. – Что там ещё? Правильно – гражданин литератор Грибоедов со своим «Горе от ума».

Но это я так, больше для ускорения времяпровождения. А вообще, моему «горю» завидовали очень многие.

Свой второй в жизни ВУЗ я окончил в бурном 1991 году и получил специальность политолога. Как оказалось впоследствии, за мной всё время учёбы пристально наблюдал бывший шеф, который в то время возглавлял один из самых «крутых» отделов нашего республиканского ЦК. До этого он был первым секретарём в нашем горкоме, и я чуть больше трёх лет работал под его «мудрым и чутким...». Когда учёба закончилась, он пригласил меня к себе в ЦК.

– Ты через некоторое время будешь нужен мне здесь. Вся эта чепуха когда-нибудь переделается, – сказал мне бывший шеф, указывая рукой на окно, но явно имея в виду происходящее за его пределами.

– Люди с мозгами нужны будут всегда, хоть красным, хоть белым. В общем, езжай-ка к бошам, собирай там себе материал для диссертации, поучись, можешь у них и защититься. – Он встал, потянулся, подошёл к окну.

– Фашисты офигели просто от всей этой горбачёвщины, от объединения своего фатерлянда и рухнувшей стены. Их долбаный Гейдельберг прислал предложение направить к ним способного юнге, из которого они за два года собираются сделать крупного специалиста, как в письме пишут, «по развитию демократического процесса». Ты у нас не юнге, но способный. Половину затрат по обучению и проживанию они берут на себя. Мы свою половину ещё вчера перегнали им полностью. – Бывший шеф резко обернулся ко мне и, глядя мне в глаза, жёстко сказал: – Положительный ответ надо дать прямо сейчас. Улетаешь через три дня. За это время успеваешь смотаться домой и утрясти все вопросы по квартире. Командировочные, – он запнулся и не удержался от комментария, – нихрена себе сумма в валюте! – получишь в триста второй на третьем этаже сразу, как выйдешь от меня.

– Да! – ответил я, ни секунды не задумавшись, ещё в тот момент, когда бывший шеф произносил окончание фразы.

Да и о чём было думать, разве что о том, как лучше поступить с квартирой. Жены и детей, то ли к сожалению, то ли к счастью, в наличии не имелось. Реальных претенденток на занятие вакантной должности моей «половины» я со свойственной мне осторожностью также заводить не спешил.

– Прошу предъявить документы, – вернул меня в действительность зычный голос глядящего в проём двери купе пограничника.

Он ничем не отличался от пограничника ещё той прежней страны, из которой я уезжал два года назад. Разве что немного видоизменился мундир, но на лице имелось очень знакомое выражение хама, осознающего величие и ответственность доверенной ему миссии. Его простоватое лицо было полно сознанием своей запредельной важности в этом мире.

Я терпеливо ожидал, когда он, опознав все буквы в моём паспорте, сверит фотографию с, так сказать, оригиналом и вот это произошло. Страж границы, явно копируя пристальный взгляд товарища Дзержинского, попытался найти в моём лице признаки врага отечества, но не нашёл. Он безуспешно поискал эти признаки у моих попутчиков, и, не огорчившись тем, что тоже не нашёл, проставил необходимые отметки в паспортах и гордо удалился из купе продолжать выполнение своей миссии

– Шо веземо, показуемо, – освободившееся место в дверном проёме немедленно заполнилось хамом номер два. У этого голос был похож на скрип ржавой дверной петли.

Форма таможенника чем-то неуловимым напомнила мне эсэсовский мундир Штирлица и сидела на нём так, как будто её шили на кого-то другого.

Его лицо лоснилось от пота, хотя в поезде жарко не было. Видимо, это была реакция организма на необходимость передвигать в пространстве более ста килограммов веса его тела.

Понимая, что одновременное извлечение чемоданов всеми пассажирами купе создаст совершенно ненужную давку и суматоху, я поднялся и деликатно, но настойчиво отодвинул таможенника со словами: – Разрешите, я выйду!

– Куды? – хам в нём замер в нерешительности. Непослушание «лицу при исполнении» было явным, но непонятым. Мало ли кем мог быть пассажир в совершенно новом костюме от «Бруксов», в идеально белой рубашке, при модном галстуке, распространяющий вокруг лёгкий, но перебивающий все остальные, запах «Ламборджини афтершейв». Чему-чему, а уметь немцев выглядеть «как иностранец» я научился.

– Вам же удобнее будет осматривать багаж, – не стал мучить хама дальше неизвестностью я.

Прошло пять секунд, прежде чем его мыслительные центры расшифровали мой голосовой сигнал. Ещё пять секунд ушло у него на то, чтобы сообразить, что так для него действительно будет намного удобнее, и он отодвинулся.

Осмотрев мой багаж, таможенник решил в знак благодарности снизойти до разговора со мной:

– У нимцев булы, а так мало везэтэ, – и указал рукой на мой раскрытый чемодан от «Вьюнтон».

– А зачем нам, миллионерам, таскать с собой всякие мелочи? – своему лицу я попытался придать как можно более удивлённое выражение.

Мне это, наверное, хорошо удалось, так как этот безобидный вопрос «выключил» таможенника настолько, что маска «лица при исполнении» с него слетела и он бочком, стараясь не задеть меня, со словами «звыняйте, звыняйте» выскользнул из купе. Как ему это удалось при его телосложении, явно пресыщенном калориями ранее поглощенной пищи, мне было непонятно.

Так состоялась моя первая встреча с родиной после двухлетнего от неё, родимой, самоотлучения. Самоотлучения, по итогам которого, я возвращался домой с докторской учёной степенью одного из самых уважаемых европейских университетов. Мне пошли на встречу и сделали некоторые исключения, позволив защищаться, что для немцев само по себе было удивительным явлением. Но полуфабрикатом, названным изделием, я себя не чувствовал – на защите сдержанные солидные учёные мужи то и дело произвольно открывали рты от смелости моих трактовок и в итоге дружно заплодировали.

Мой научный руководитель, герр Штраубе, настойчиво уговаривал меня остаться. Мол, у тебя явно талант, попреподаёшь пока пару лет в менее престижных заведениях, а потом, сделав себе имя публикациями о том, что происходит в Украине, в «Шпигеле», «Таймс», «Фигаро» и других печатных изданиях Европы, вернёшься в Гейдельберг.

Предложение было чрезвычайно заманчивым. В условной графе «за» моих колебаний значилась незабвенная фраза басмача Абдуллы из кинофильма «Белое солнце пустыни»: «Что ещё надо человеку, чтобы встретить старость?» В графе «против» значился камрад Ремарк со словами героя одного из своих романов: «А вот по-моему не жизнь, если в итоге только и можешь сказать, что ты тридцать лет подряд изо дня в день, ходил в одну и ту же классную комнату или в одну и ту же контору». Не то, чтобы цивилизованный камрад казался убедительнее своего дикого восточного оппонента. Скорее по складу моего характера бунтарская сентенция немца была мне ближе приземлённой мудрости Востока.

Если бы я тогда мог знать, о том, что ждёт меня дома, и через какой УЖАС мне придётся пройти, я, возможно, ни за что не пренебрёг бы прозаическими человеческими ценностями, пропагандируемыми врагом товарища Сухова. Но кому из нас дано знать своё будущее?

Впрочем, не так уж беспомощен человек перед окружающим миром, как это кажется на первый взгляд. Лишённый знания своего будущего, человек наделён подсознанием и даром предчувствия, и именно поэтому я начал своё повествование о происшедшем, описав свои самые первые впечатления после того, как пересёк границу страны, где я родился, и моя нога вновь вступила на её землю.

Всё происходящее я воспринимал с раздражительностью. С самых первых секунд у меня возникло предощущение чего-то нехорошего, я почувствовал душевный дискомфорт, какую-то неясную и ничем не мотивированную тревогу.

У меня было тяжело на душе: окончилась какая-то полоса жизни, и это наполняло сердце непонятной тоской...

Глава 2

Строго говоря «нога вновь ступила...» уже в городе Киеве на железнодорожном вокзале. ЦК, понятное дело, в данный отрезок земного времени быть в окружающей действительности не могло. Домашнего телефона своего бывшего шефа я не знал. В принципе, это довольно легко и с большой долей вероятности в удачном результате можно было выяснить в телефонной справочной.

Я отверг этот лёгкий путь исключительно по той причине, что в десять часов двадцать две минуты (на что неопровержимо указывал мой золотой наручный швейцарский хронометр фирмы «Бом и Мерсье»), подавляющая часть киевских ответственных работников находится на рабочем месте. Оставался сущий пустячок – вычислить, какое рабочее место занимает сейчас мой бывший шеф?

Мой мыслительный аппарат, игнорируя всяческие дедуктивно-индуктивные причуды известного книжного сыщика, рассудил чрезвычайно приземлено и определил как наиболее перспективный ареал поиска Кабинет Министров. Логика моих рассуждений базировалась на знании законов бюрократических перемещений. Законы эти правят нашей бюрократией ещё со времён Ивана Грозного, а может и с вовсе незапамятных времён.

Пусть бывший шеф и работал в ЦК, но возглавлял он отдел весьма далёкий от идеологии. Значит, несмотря на смену государственной идеологии, как специалист он по-прежнему ценен. Ну, а клеймо «компартийности» можно просто в расчёт не закладывать: во-первых, никто из его поколения не мог чего-нибудь достичь, минуя членство в партии; во-вторых, новым хозяевам страны просто негде с ходу-наскоку найти организаторов такого высокого уровня.

Мысль на «новых хозяевах страны» споткнулась, и я понял почему – хозяева остались прежние, только поменяли окрас. Тогда они пожертвуют только упорствующими ортодоксами, все остальные вновь всплывут на фактически равноценных прежним должностях

Я рассердился на самого себя за эти глупые отвлечённости и сосредоточился на том, чтобы найти дефекты в своих рассуждениях, но не нашёл. Как все пути ведут в Вечный город, так всё в моём конкретном случае неопровержимо указывало на Кабмин.

Первый же мой звонок в секретариат этого уважаемого учреждения дал положительный результат: мой бывший шеф заведовал отделом, да ещё каким! Мысленно похвалив себя классическим «есть ещё порох в пороховницах», я попытался выведать у дамы из секретариата нужный мне номер телефона, но правила в бюрократических играх не меняются никогда. Пришлось удовлетвориться номером телефона секретаря моего бывшего шефа. Мои рассуждения о том, что секретарь, это, скорее всего секретарша, были грубо прерваны частью сознания, отвечавшей перед всем организмом за физиологию – пора было что-нибудь съесть.

Воспользовавшись услугами одного из многочисленно шнырявших у платформ иностранных поездов шустрых менял, я разменял двадцать марок и на такси доехал до Кабмина где, как я помнил по прежним временам, имелся как бесплатный внутренний телефон, так и весьма недурственный буфет. Буфетом, правда, его именовали исключительно из соображений скромности: и по ассортименту, и по качеству приготовления блюд, ему могли бы позавидовать многие из тех заведений, которые нагло и без всяких на то оснований именовали себя «ресторанами».

Секретарь и вправду оказался секретаршей. Немного поупорствовав, ибо правила есть правила, она согласилась доложить моему бывшему шефу, что звонил такой-то, и попросила меня перезвонить через пять минут. При повторном моём звонке я даже удивился, сразу и не признав по голосу женщину, с которой только что разговаривал, – столько в нём появилось отзывчивости, желания помочь и теплоты. Прямой номер телефона моего бывшего шефа она

продиктовала таким тоном, каким всякая любящая мать поздравляет сына с юбилейным днём рождения. Я счёл это добрым знаком.

По тону, которым ответил мне мой бывший шеф, невозможно было понять ничего. Он просто и деловито сообщил мне, где получить пропуск и как найти его кабинет, а я выдвинул встречное предложение встретиться в буфете. Моё предложение было принято.

Рассматривание моего пропуска бдительным стражем у лестницы, ведущей к собственно входу в Кабмин, в том числе и к буфету, напомнило мне пограничника. Я даже невольно улыбнулся, но страж в ответ на мою улыбку ещё свирепее сдвинул брови и отступил в сторону, давая пройти, одновременно протягивая мне пропуск назад с таким видом, словно осуществляет гуманный акт помилования осужденного на смертную казнь.

Опять где-то в глубине души шевельнулось предчувствие чего-то нехорошего. Но я был слишком голоден и не обратил на него никакого внимания.

Бывший шеф показался мне озабоченным какими-то проблемами. В волосах его значительно прибавилось седины, под глазами увеличилось количество морщин, но взгляд по-прежнему был твёрдым и уверенным. Он стал худощавее, чем был, когда я видел его в последний раз, но он и стареть начинал также великолепно, как великолепен бывал почти во всём, что бы ни делал.

После рукопожатия он сел за стол, бегло пробежал глазами меню и сделал заказ официантке. Я не стал тратить время на изучение этого важного документа, отделившись от её вопросительного взгляда коротким и ёмким «то же самое». Пока официантка несла заказ, мы обменялись «как?» и «нормально» и сразу принялись за еду.

Покончив с едой, мы расплатились и вышли на свежий воздух из здания – серьезные разговоры в буфете, в кабинетах и в курилке в Кабмине ведут только полные идиоты. Правила бюрократических игр изменениям не подвержены, ибо за ними стоят опыт и мудрость бесчисленных поколений этой славной, если можно так выразиться, профессии.

– Хотя сейчас могу предложить тебе должность и неслабую по открывающимся возможностям. А возможности сейчас оцениваются не перспективой карьерного роста, как это было раньше, а исключительно деньгами, которые безнаказанно можно брать в виде взяток, – зло сплюнув в урну, мой бывший шеф закурил.

«Ну, хоть что-то изменилось», – подумал я.

– Правда, с квартирами теперь полный аут, – продолжил он, сбивая пепел мимо урны. – Раньше всё решалось без проблем и в течение месяца. Сейчас проще купить, чем ждать, пока включат в план финансирования, да и подмазать, кого следует надо будет так, что купленная без хитростей и подешевле выйти может.

– А сколько сейчас в Киеве стоит однокомнатная так чтобы на работу не ездить, а ходить? – спросил я, имея в виду Печерский район. Ездить на общественном транспорте я не любил. Было во мне всё-таки что-то, что роднило меня с героем-мутантом из романа признанного мастера жанра литературной научной фантастики.

Названная сумма заставила меня закашляться и заподозрить, что Бонн, Берлин и прочие Франкфурты неважно на чём, по сравнению с городом Киевом просто жалкие деревушки.

Бывший шеф интерпретировал мой кашель по-своему:

– Ты главное не бзди, прорвёшься. Снимешь пока квартиру и за год-полтора соберёшь на собственную.

Я снова поперхнулся, мгновенно вычислив, какого размера ходят взятки в ещё несостоявшейся стране, чтобы снимая квартиру насобирать за полтора года такую сумму.

Не зря, видимо, Гейдельберг признал мою докторскую степень, так как в сознании тут же оформился долгосрочный прогноз относительно будущего этого государственного образования, и я искренне посочувствовал его жителям. Мысли тут же сфокусировались на том, что

я теперь тоже житель этого самого образования. Сразу вспомнилась благополучная Германия и предложение моего научного руководителя.

Бывший шеф сочувственно постучал меня по спине, и мне полегчало настолько, что я смог ответить:

– Вы же знаете, что я никогда не был по этой части.

– А ты знаешь, что и я по этой части тоже никогда не был, – злясь явно не на меня, сказал он. Уже чуть мягче он продолжил:

– Не наша с тобой вина в том, что всё изменилось. Приходится что-то ломать в себе, переучиваться, перестраиваться – на этом слове он запнулся и опять зло плюнул в урну.

Немного помолчав, мой бывший шеф вскинулся и я понял, что он, как ему показалось, нашёл самый разумный выход из сложившейся ситуации.

– А знаешь, – преувеличенно бодро сказал он, – езда-ка ты домой и отдохни с месяцком. После Европы сразу нырять в это наше говно... Отдохни, присмотришься, пообвыкни. А потом мне позвонишь, и мы с тобой всё уладим.

Снова в глубинах души шевельнулось нехорошее предчувствие, но я также преувеличенно бодро ответил:

– Да! Это будет сейчас самым разумным решением.

Попрощались крепким рукопожатием неподалёку от недремлющего стража и бывший, а, возможно, и будущий шеф, на прощание сказал:

– Если с Киевом передумаешь, во власть там дома даже не суйся. Там сейчас верховодит наш бывший «парткомовец». Помнишь же, что он за фрукт?

«Ещё бы мне не помнить!» – подумал я.

«Парткомовцем» мы за глаза называли одного из секретарей горкома, присланного в горком с должности секретаря парткома одного из основных предприятий нашего города. Когда-то на партсобрании аппарата я в своём выступлении сказал, что этого самого «парткомовца» следует всячески дистанцировать от осуществления властных функций, ввиду его ничем не маскируемого стремления властвовать неограниченно и крайне далёких от «морального кодекса строителя коммунизма» личных качеств.

Моим выступлением сразу заинтересовались в обкоме, но тут в партии началась катавасия, и стало не до него. Он живо перебрался в кресло председателя исполкома, и очень резко начал перевоплощаться в демократа. Он был из тех, кому необыкновенно везёт по прямому недосмотру судьбы.

Начать пакостить мне он так и не успел, так как я, просчитав варианты, срочно воспылил желанием получить второе высшее образование и по направлению горкома убыл на учёбу в Киев.

Нехорошее чувство в глубине души шевельнулось значительно сильнее.

На этот раз с бывшим шефом мы простились уже окончательным рукопожатием, и я пошёл брать билет на поезд в Кабминовской кассе. О преимуществах такого метода приобретения проездных документов я умолчу, так как они совершенно очевидны даже для тех, кто с ними не сталкивался никогда. Скажу лишь, что в наличии совершенно, казалось бы, странным образом, оказались билеты не просто в купейные вагоны, но и нижние полки в этих самых вагонах.

Имелись и билеты в СВ, но к трате денег я всегда привык подходить рационально: двенадцать часов пути были явно несопоставимы с суммой, которую следовало отдать за это сомнительное удовольствие.

С билетами так было раньше и, я не сомневаюсь, будет и в ближайшем обозримом, в том смысле, что его можно будет обозревать лично и непосредственно, а не из деревянного, тесного пристанища на глубине парочки метров, будущем. Сознание, взяв за мерилу скромность, тут же выдало «на гора» – «ещё лет тридцать-тридцать пять».

Мысль о деревянном и тесном пристанище вновь ощутимо шевельнула нехорошее предчувствие. Вспомнилась фраза, известная, как «закон Мёрфи»: «Всё, что плохо начинается, заканчивается ещё хуже».

Глава 3

До отправления поезда оставалось более пяти часов и моя «немецкая малая часть», тут же воспользовавшись этим обстоятельством, немедленно возжелала осмотреть столицу и лично оценить происшедшие с ней за два года изменения.

В оценке увиденного обе части сошлись единогласно – чересчур западно-подражательно, местами аляповато до уровня гротеска, и только в единичных случаях изменения признавались соответствующими нормальной логике.

Людей оценивала исключительно моя «славянская большенькая». Было признано удивительным и негативным то, что с лиц подавляющего большинства встреченных мной киевлян исчезли улыбки. Раньше, когда ты передвигался по любой из центральных улиц Киева в пиковое время, обязательно складывалось впечатление, что в этом городе проживают в целом довольные жизнью люди. Сейчас лица людей были хмурыми, озабоченными. На них явно читалась неуверенность в завтрашнем дне. Просто поразило количество людей, просящих милостыню.

Темп передвижения масс по улицам, по сравнению с прежним, заметно возрос. Мне всегда нравился прежний Киев тем, что люди в нём не носились сломя голову, как москвичи, были доброжелательными и всегда готовыми помочь.

Когда я случайно забрёл на Центральный стадион, где некогда победно блистало киевское «Динамо», я с удивлением увидел гигантскую барахолку. Тысячи людей, расстелив прямо на земле кусок полиэтиленовой плёнки и разложив на нём товар, продавали всякую всячину. Тысячи людей ходили, разглядывали, торговались и покупали эту всякую всячину.

С ещё большим удивлением среди множества продавцов я узрел несколько своих бывших преподавателей. Самый мало остепенённый среди них был кандидатом исторических наук.

Моя уверенность в правильном прогнозе относительно будущего государственного образования, в котором я сейчас находился и гражданином которого являлся, укрепилась ещё более.

Мировой исторический опыт неопровержимо свидетельствовал – там, где наука не в почёте, следует обязательно ждать либо перманентной неопределённости, либо полнейшей анархии, которую прихлопнет диктатура. В обоих случаях жителей подобной державы, то есть и меня в том числе, ожидала нелёгкая борьба за выживание.

Киевские изменения начали утомлять даже мою «немецкую» составляющую своим идиотизмом. Согласитесь, странно наблюдать явно гордого своей оригинальной футболкой молодца, на которой по-английски написано «Я – дурак!». Или кафе, высшей, как извещал режим работы, категории, название которого, выписанное на вычурной вывеске под готику, переводилось с английского как «кладбище». Независимо от меня сознание переключилось на анализ понятия «высшей категории» и пришло к выводу о его абсурдности, поскольку кафе высшей категории – это есть ресторан. Снова захотелось назад в Германию и нехорошо заныло сердце.

Поездка в поезде ничем примечательным не ознаменовалась и заканчивалась. Поезд уже тронулся от узловой станции, от которой до моего города оставалось сорок минут езды. Через пол часа, он стал виден издали и приближался с каждой секундой. Небо над городом было тёмным, полностью затянутым свинцовыми тучами.

Что-то было не так. Вид был знакомым и незнакомым. Наконец, я понял – не дымят трубы главных предприятий. Политолог-аналитик во мне начал выдавать заключения: вынужденная безработица, резкий рост количества преступлений, сокращение рождаемости и увеличение смертности, задержка пенсий и зарплат, депрессия в настроениях людей, коллапс в комму-

нальных службах. От этой картины общественного бытия я невольно поёжился и в это время показался вокзал. Прихватив свой чемодан, я заторопился к выходу.

Когда я сошёл с поезда, небо стало ещё темнее, закапали первые тяжёлые капли дождя. На востоке горизонт был тёмным и зловещим. Редко случалось так, чтобы состояние погоды так точно соответствовало моему настроению.

Свою квартиру я нашёл в том же состоянии, в котором её и оставил. Только толстый слой пыли покрывал все без исключения предметы домашнего обихода и полы.

Ещё в поезде, валяясь на полке и глядя в потолок, я твёрдо, без предоставления самому себе возможности передумать, решил отдохнуть и присмотреться ровно две недели. После истечения этого срока надлежало принять окончательное решение. Варианта было три: возвращение в Германию, переезд в Киев, либо налаживать жизнь в своём захолустном Коммунарковске.

Приняв холодный душ и перекусив всухомятку тем, что осталось с поезда, прихватив зонтик, я побежал в «Горгаз» сделать заявку на то, чтобы сняли пломбу.

Сделать подобную заявку по телефону, как мне объяснили со свойственной коммунальникам вежливостью, не представлялось возможным, так как «вы же должны написать заявление». Вспомнилась расхожая славянская поговорка «без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек».

Я ещё полнее ощутил, что я дома и подумал о том, какая огромная пропасть разделяет европейцев и нас. Некоторые сильно украинствующие политики кричали, что надо немедленно вступать в НАТО и объединённую Европу. При этом явно игнорировалось то обстоятельство, что европейцы далеко не дураки, и им ни к чему брать в свой цивилизованный союз страну, изобилующую многочисленными примерами варварства даже в таких вот мелочах.

– Ждите послезавтра, – безапелляционно заявила леди из абонентского отдела «Горгаза» с ярко окрашенными ногтями размером с тигриный коготь и бюстом, как голубиный зоб, забрав заявление, когда после получасового стояния подошла моя очередь. Эту леди вполне можно было бы использовать в качестве передвижной выставки косметики и ювелирных изделий.

– А-а...

– В течение дня, – перебила она, умудряясь при этом смотреть на меня так, как будто смотрит сквозь меня на стену.

Жить три дня без газа мне очень сильно не хотелось и я, включив поведенческий режим обаяния, расплылся в улыбке:

– Девушка, вы банкноты не коллекционируете?

– Каао?! – вскинула она на меня взгляд сверхинтеллигентной суперкрасавицы, которой уличный хам сделал крайне неприличное предложение. Когда она увидела в моих руках пять марок, её взгляд немедленно стал заинтересованным и доброжелательным. Если бы раньше кто-то сказал мне, что такая мгновенная трансформация возможна, я бы ему или ей не поверил. Леди воровато зыркнула на очередь, выстроившуюся за мной вдоль стойки, и громко сказала:

– Что ж вы раньше не сказали, что ветеран Афганистана, орденосец? Давайте документы, – она умудрилась, чуть-чуть приподнявшись выхватить у меня из руки паспорт. Каким образом из моей руки вместе с ним исчезла пятёрка, я гадаю до сих пор.

– Ждите через часик, – тон её стал доброжелательно-игривым. Сразу почувствовалось, что девушка она не самого тяжёлого поведения. Возвращая мне паспорт, она взглядом приглашала меня продолжить разговор до договорённости о встрече вечером, но я, пробормотав невнятно «большое спасибо», предпочёл исчезнуть.

Ровно через час пломбу сняли. Я сбегал в ближайшее отделение «Сбербанка» и разменял пятьдесят марок. При этом я задумался над несоответствием: курс, по которому мне разменял

марки киевский меняла, был существенно более выгодным, чем банковский и вряд ли дело здесь было в географии. Я занёс этот вопрос в список вопросов, в которых следовало завтра же разобраться. Потом я вытирал пыль, вытряхивал покрывала, убирался в квартире.

Ближе к вечеру отправился в магазин, чтобы, как я это называл, «досыта покормить холодильник». Возвращение я решил отпраздновать и к продуктам взял бутылочку старой доброй «Столичной». Выпендриваться мне было не перед кем, поэтому, застелив журнальный столик чистым льняным полотенцем, нарезав хлеба и колбасы, я налил и употребил рюмочку. Ни одна из моих характеристик действительности не соответствовала – водка не была доброй, не была «Столичной», и не была вообще водкой. Это был поддельный суррогат из спирта и дистиллированной воды. Я с отвращением вылил эту гадость в унитаз, и принялся лениво жевать колбасу, невнимательно глядя телевизор. Сознание автономно отметило тот факт, что и колбаса похожа на прежнюю «Любительскую» разве что внешне. Настроение у меня окончательно испортилось.

Я поставил чайник и убрал со стола. Попив чаю, я включил колонку и с наслаждением принял горячую ванную, а потом замочил грязное бельё.

Практичные немцы научили меня пользоваться ультразвуковым стиральным приспособлением. Приятный запах стирального порошка сохраняется до тех пор пока машинка включена, для стирки не надо прилагать особых усилий, затраты электричества ничтожны, а размеры позволяли хранить его в ящике стола и были сопоставимы вместе с преобразователем тока с размером блока из десяти штук спичечных коробков. Для моей двухкомнатной «хрущёвки» размер бытовых приборов был важной характеристикой.

Меня начало клонить ко сну и я, расстелив кровать, прилёг. «Поймав» себя в момент предшествующий провалу в сон, я встал выключить телевизор и решил завтра же купить новый с дистанционным управлением вместо своего, в общем-то, не старого цветного «Славутича», которым некогда так гордился. Когда я возвращался в кровать, моё сознание беспристрастно отметило желание купить новый телевизор, как неосознанное до конца стремление остаться дома и не возвращаться ни в Киев, ни в Германию.

Заснул я, едва прикоснувшись к подушке, и спал как всегда без сновидений. Тем, кому снились сны, я с детства сильно завидовал: мне эта способность казалась возможностью бесплатно смотреть кино.

Глава 4

Сегодня мне предстояло сделать немало дел и я, позавтракав яичницей из одного яйца, набросал список. Прежде всего, мне нужно было решить вопрос с пропиской. Затем выяснить, где же всё-таки выгоднее менять марки – в банке, или у менял. Нужно было встретиться кое с кем из старых знакомых и послушать их версии по поводу того, что происходит в городе. Большим получился и список необходимых покупок.

В ЖЭКе к паспортисту стояла немалая очередь и царила атмосфера организованного хаоса. Беспорядочная суета, пронзительные крики из очереди на тех, кто пытался пробраться вперёд со словами: «Мне только спросить!»

Ситуация располагала к размышлениям и я задумался о прописке.

Несмотря на показательные возмущения этим непонятным для западного человека ограничением личной свободы граждан, наши правители вряд ли пойдут на отмену этой институции советского бытия, так как для этого понадобится слишком много других изменений. Для этого нужно садиться и думать, просчитывать, вносить изменения в великое множество законодательных и нормативных актов, а это как раз то, чего очень не любит делать наш чиновник, ни большой, ни маленький.

Но, самое главное, отмена прописки будет уже не декларативно, а де-факто и де-юре означать курс на построение настоящего демократического общества, а нынешним властью держащим пока не разворовано всё, что можно разворовать, невыгодно лишать себя такой удавки на шее граждан своей страны. Скорее всего, поступят как всегда по колхозному просто – назовут прописку каким-нибудь другим словом и гордо отрапортуют Западу о том, что этот позорный советский пережиток побеждён.

Положение усугублено ещё тем, что на смену чёткой советской системе подбора, воспитания и расстановки кадров пришло отсутствие системы вообще. Наступило время горластых и сладкоречивых личностей, иных талантов кроме этих не имеющих.

Прорвавшись наверх, дабы отсутствие этих самых талантов никому не бросалось в глаза, они окружали себя безропотными исполнителями, ещё более не блиставшими талантами, и всё это вместе взятое называлось системой «на тёмном небе ярче звёзды».

Это приводило к тому, что на местах не проявлялось никакой инициативы в направлении необходимых изменений и просто выполнялись приказы сверху. А вверху сидели самые громкоголосые и сладкоречивые...

В общем, мой бывший шеф, перед моим отъездом в Германию заявивший о том, что люди с мозгами нужны будут при любой власти, оказался более чем неправ. Этой власти нужны были только покорные и исполнительные. Но я не считал его виноватым.

Предположить, что такой уродливый подход к осуществлению процессов управления будет возможным в географическом центре Европы в конце двадцатого-го века, не мог никто. Это был один из тысячи вероятностных вариантов развития событий и надо же, как не повезло моей родине...

Создавалась патовая ситуация: чтобы что-то менялось к лучшему нужны были умные и не слишком амбициозные в плане личного обогащения люди. Такие как Моннэ – во Франции, Эрхард – в Германии, Икеда – в Японии, Тэтчер в Великобритании. Люди без регалий, без звёзд, без пышных титулов и, главное, без претензий на то, чтобы удивить мир каким-нибудь экономическим суперчудом.

Но для громкоголосых и сладкоречивых, атавистически ревнивых к чужим успехам, уже оккупировавших верхи, умные представляли собой архиугрозу и все отрасли общественной жизни, где умные обычно обретаются, подвергались дискриминации. Пошла волна стихийной борьбы с творческим потенциалом, с генераторами идей, с людьми, одарёнными Богом,

которые всегда во все времена раздражали аппарат власти, а уж для этой власти такие люди были уже не просто раздражителями – смертельными врагами. Не финансировалась наука, остановились промышленные предприятия, пошла серьезная чистка аппаратов исполнительных органов, как вверху, так и на местах. В результате интеллектуальная элита сначала тонким ручейком, а потом полноводным потоком потекла на Запад, или переквалифицировалась в рыночных торговцев-«челноков».

«А ты как всегда не как все, – подумал я. – Вместо того, чтобы остаться в цивилизованной Германии ты вернулся сюда к варварам. Зачем?»

Пока я обо всём этом думал, подошла моя очередь. Паспортистка, бегло глянув на мои документы и заполненную карточку, спросила:

– А где справка о том, что вы прошли рентген? – её маленькие, глубоко посаженные глаза и тонкие губы придавали её жестокий и злобный вид. Она скорее напоминала большой противолодочный корабль, чем женщину.

– Рентген, – машинально поправил я её. – А причём здесь рентген к прописке?

Снизойти до ответа официальное жэковское лицо не соизволило, а лишь ткнуло пальцем в объявление на стене, которое я раньше не заметил. Объявление гласило, что по распоряжению городского головы все вновь прибывшие в город обязаны при прописке обязательно предъявить справку о прохождении «рентген-обследования».

– Но это же явное нарушения прав человека, – еле выговорил я, задыхаясь от возмущения. – Почему в таком случае не СПИД, холера, оспа, чума? Эти-то заболевания опаснее туберкулёза.

Жэковское лицо, даже не удостоив меня взглядом, равнодушно произнесло:

– Следующий.

Осмысливать выполняемую работу она явно считала совершенно глупым занятием, если считала что-либо вообще. Скорее всего, она выполняла свою работу с равнодушием простейшего одноклеточного организма, который не интересуется ничем, кроме функциональной программы, заложенной природой.

Очередь тут же отреагировала с чисто славянским идиотизмом – сразу несколько человек закричало то, что имело объединённый смысл: «Не мешайте девушке работать». Я снова подумал о том, какая огромная пропасть отделяет нас от европейцев и о степени варварства, царящего в моей родной стране.

Обнаружив что-то не укладывающееся в рамки логики, европейцы тут же объединяются и дают отпор, причём, если уж что-то нелогичное сильно затрагивает их интересы, вспыхивают такие социальные протесты, по сравнению с которыми даже официальная коммунистическая версия Великой Октябрьской в Петрограде, кажется доброй сказкой и невинной шалостью. Они хорошо понимают, что цена свободы – это готовность к неожиданным сражениям, повсюду, в любое время, при любых обстоятельствах, готовность сражаться безрассудно и беспощадно, сражаться не на жизнь, а на смерть, не жалея при этом ни других, ни тем более себя.

Когда я, кипевший благородным гневом, шёл мимо очереди, один из кричавших, заглаживая свою вину, дал мне дельный совет:

– Эй, мужик, ты в поликлинике в окошко, где записывают на рентген, дай шоколадку и получишь справку сразу, без херни всякой. И беги обратно назад, я тебя впереди себя пропущу.

Время на то, чтобы поправлять его по поводу рентгена я тратить не стал.

Лёгкость и простота, с которой я получил справку, просто поразили меня – зачем тогда вообще требовать справку, если её с такой лёгкостью можно получить, даже не заходя в рентген-кабинет? Нормальная реакция сообщества человеческих существ на показуху и глупость верхов? Или зародыш системы общественных отношений по принципу «всё покупается, всё продаётся»? А, скорее всего, и то, и другое.

Занятый этими мыслями я благополучно сдал паспорт на прописку и, поблагодарив своего мудрого советчика за своевременную подсказку, отправился на рынок к менялам узнавать таинства курсовой разницы.

Пока я шёл на рынок, у меня крутилась мысль по поводу того, что в современном русском языке слово «голова» – женского рода и с этой точки зрения словосочетание «городской голова» звучит с грузинским акцентом, и плевать, что так сложилось исторически. «Председатель горсовета» и проще, и логичнее, и не вызывает никаких двояких толкований.

Менялы явно находились под чьей-то «крутой крышей», так как стражи порядка, уважительно поздоровавшись с ними за руку, тут же спешили на ловлю «нелегальных предпринимателей» – бабок и дедок, пришедших продать пучок укропа или петрушки вне территории рынка, чтобы не быть обобранными рыночным сбором. Гонениям подвергались и все лица, торгующие молоком от своей коровы, овощами со своего огорода. После их обработки милицеейскими запугиваниями, к ним подходили некие личности и по дешёвке покупали весь их нехитрый товар. Товар этот тут же выставлялся на прилавках на территории рынка, но уже совершенно по другой цене.

Созерцание этой картины тесного взаимодействия милиции с перекупщиками, «державшими» рыночные цены, не отвлекло меня от наблюдения за менялами. Клиентов у них оказалось довольно много: люди то и дело подходили и меняли доллары, марки и рубли на «купонovidные» карбованцы, и наоборот. Маржа, то есть курсовая разница, была либеральнее банковской, и меня осенило – банки должны платить налоги за валютные операции. Глупо поэтому, всю валюту держать на официальном обмене, намного выгоднее работать через своих надёжных менял. Менялы налоги не платят. Решение было настолько простым, что я немного разозлился на себя за то что не нашёл его сразу и вчера менял марки в банке. Потом я успокоился, решив, что хорошая наука всегда стоит определённых денежных затрат.

По пути в универмаг я стал свидетелем ссоры двух рыночных торговков. Из-за совершеннейшего пустяка они принялись ругать и поносить друг друга отборной бранью, на жаргоне предместий, каждое слово которого источало аромат гниющего трупа дохлой собаки.

В универмаге рынка я с удивлением обнаружил, что телевизоров в наличие не имеется. Не только с дистанционным управлением, но и без него тоже. Эра тотального дефицита продолжалась. Этот факт заслуживал быть занесённым в анналы памяти, и был занесён, так как при случае мог пригодиться.

Однако занесение факта в анналы к цели приобрести телевизор меня нисколько не приблизило. Несколько огорчённый я вышел из универмага, но был остановлен воровато поглядывающим по сторонам субъектом:

– Слышь, мужик, тебе что, телик нужен?

По виду субъекта я сразу определил в нём профессионального и бескомпромиссного истребителя «зелёного змия».

Провинциальная манера всеобщего «тыканья» меня никогда не умиляла, а пролетарскую бесцеремонность в отношениях между людьми я всегда решительно осуждал. Но тип, возможно, мог помочь в приобретении нужного мне предмета, и я приступил к его обработке по давно апробированной схеме:

– А с чего это вы, милейший, решили, что я мужик? – глаза субъекта от этого вопроса несколько округлились, и он автоматически опустил взгляд на то место моих штанов, под которым крылось основное свидетельство принадлежности к мужскому полу.

Не давая ему опомниться, я продолжал процесс перевоспитания:

– У моего дедушки было больше двадцати тысяч душ крепостных и титул князя. Поэтому, я как лицо дворянского звания никак не могу быть мужиком, – глаза субъекта взметнулись на моё лицо и удивлённо на меня уставились. Потомка благородного рода он, очевидно,

видел в своей жизни впервые. Обычно быдло от подобных пассажей надолго впадает в ступор и субъекту следовало немного помочь:

– Так что вы, милейший, говорили о телевизоре?

Этот экземпляр оказался довольно слабеньким, поэтому прошло несколько долгих секунд, прежде чем в его глазах засветилась искорка понимания:

– Так я это... хотел спросить... вам нужен телевизор? – слово «вам» далось ему с трудом, но в целом получилось с уважительным подобострастием.

– Да, не стану от вас скрывать, что данный предмет домашнего обихода в настоящее время представляет для меня определённый непреходящий интерес, – судя по выражению лица субъекта, у него исчезли последние сомнения в моём благородном происхождении, хотя из всего сказанного мной он, видимо, понял лишь последнее слово.

– Есть двойка «Фунай» в упаковке. Экран двадцать дюймов. Братуха из Москвы возит, – сообщил мне он.

Я не стал открывать ему великую тайну правильного произношения английской меры длины и перешёл к процедуре торга. Процедуру я прекратил тогда, когда цена плавно опустилась до цены подобной двойки в Германии.

Я часто бываю жёстким с плебсом, но границу жестокости перехожу крайне редко. Судя по тому, как расцвёл субъект, его можно было бы прессовать ещё, но я же не изверг, чтобы лишать живое человеческое существо законного заработка, который он наверняка запланировал пропить. Я написал ему на бумажке свой адрес, и мы договорились о времени, когда «братуха» привезёт мне двойку.

Когда я шёл по городу, то машинально отметил, что из-за огромного количества мелких стихийных свалок в каждом дворе, он производит на меня гнетущее впечатление большого мусорника, чётко разбитого на квадраты домами и улицами.

Глава 5

Мой дальнейший путь лежал в редакцию городской газеты «Пламя», печатный орган, как следовало из подзаголовка в номерах сего печатного издания, городского совета депутатов. В советские времена данное средство массовой информации, в свойственной этим самым временам совдеповско-романтической манере, имело название «Пламя коммунизма». Коммунизм исчез, наверное-таки превратившись в призрак, и ушёл бродить в неизвестном направлении, но покинутое им «Пламя» не угасло. Тот факт, что у Егора Петровича, бывшего секретаря горкома, а ныне мэра, хватило ума не заменить «коммунизм» в названии «капитализмом», я занёс в разряд удивительных. Он всегда отличался редкой исполнительностью и внедрял установки верхов без малейших колебаний. Даже в те времена, когда глупость причуд кремлёвских старцев стала видна всем, и приходилось только делать вид исполнения этих глупых установок.

«Видно, просто необходимой установки верхи не спустили», – подумал я, и отнёс это к серьёзным упущениям верхов.

«Пламя» мне понадобилось, постольку поскольку, как сказал мне мой бывший шеф, сюда ушёл работать журналистом Костя Соколов, тоже бывший работник горкома, тоже очень не любивший Егора Петровича и ответно нелюбимый им. Именно Костя в своё время первый бросил в лицо Егору Петровичу обвинение в диктаторских качествах.

Костя был одним из тех немногих с кем я приятельствовал. Собственно, «немногих», формулировка не совсем точная: к своим приятелям я мог ещё отнести лишь одного человека – хирурга городской больницы Головина Сергея Петровича. Эти два человека вполне могли бы стать моими друзьями. Но я сам не хотел и боялся переходить границу, отделяющую приятельские отношения от дружбы. Роль знакомого и приятеля всегда можно разделить с другими, дружба же – явление исключительное, ей присуще особое таинственное измерение, она наделена некоей специфической гармонией.

Костя имел очень светлую голову, и если бы не его привычка называть всё без исключений своими именами, он мог бы сделать головокружительную карьеру. Но его суждения, которые он никогда не заботился держать при себе, многим очень и очень не нравились, так как отличались исключительной точностью характеристик окружающей действительности и действующих в ней персоналий. Поэтому его мнение о происходящих в стране и городе событиях было для меня важным.

В редакции не было той творческой суеты, которую я привык всегда видеть в советские времена. Сотрудники тихо писали что-то каждый у себя за столом, изредка обмениваясь словами. Костя тоже что-то творил, не отрывая взгляда от своей писанины.

– Здравствуйте! – обратился я к полной женщине, чей рабочий стол был расположен у самого входа. – Я из газеты «Дер Шпигель», – слова я намерено коверкал под немецкий акцент. – Нам сказали, что можно просить подготовить для нас статья самый талантливый журналист Украина Соколофф.

Костя поднял на меня взгляд и улыбнулся. В его светло-серых глазах светился ум, но, когда он чем-то страстно увлекался, в них загорались язычки пламени.

– Не обращайтесь на него внимания, Марья Кондратьевна, – успокоил Костя полную женщину и, подойдя ко мне, крепко пожал руку.

– Сколько Лен, сколько Зин! – протяжно поприветствовал я Костю принятой между нами фразой.

– Да, страшно подумать, как много водки утекло с момента нашей последней встречи! – также традиционной фразой ответил мне Костя, за что был удостоен неодобрительного взгляда полной женщины.

В это время в общий кабинет журналистов вошла... Девушка Моей Мечты. Лет максимум двадцати восьми, с фигурой, о которой не скажешь, что в ней чего-то не хватает, равно как и то, что чего-то имеется в избытке.

У неё было всё, чем когда-то гордились и запомнились миру Елена Троянская, Нефертити, Клеопатра и прочие Милен Демонжо. Она обладала самой изумительной кожей, какую я когда-либо видел у женщин – цвета очень старой слоновой кости, нежной, как кожа маленького ребёнка.

Замечательные русые волосы обрамляли не менее замечательное лицо с кокетливо вздёрнутым носиком. Лицо её притягивало меня словно магнит. Я не мог этого понять и не мог припомнить, чтобы испытывал такой жгучий интерес к особе женского пола, какой я испытывал сейчас.

И было в ней какое-то очарование, не связанное с внешностью, что-то удивительное и неповторимое, что не назовёшь иначе, как женственностью.

Я подумал о том, что оказавшись с ней на необитаемом острове, мне ни за что не захотелось бы, чтобы нас кто-то спасал.

ДММ деловито кивнула всем в знак приветствия и прошла к свободному столу. По тому, с каким хозяйским видом она это сделала, смело можно было делать вывод, что это её рабочее место.

Костя тактичным жестом вернул мою отвисшую челюсть на место и обратился к ДММ:

– Таня, позволь тебе представить светило европейских около общественных наук, которые он два года пытался изучать в Германии. Виктор Половцев собственной персоной и, судя по его виду, он так впечатлён твоей красотой, что попроси ты его об интервью, он будет петь соловьём несколько дней подряд, пока полностью не охрипнет.

Таня посмотрела на меня не то чтобы с неприязнью, но так, словно искала чего-то и не находила или, напротив, увидела такое, чего видеть не хотела и сказала без каких-либо оттенков в голосе «очень приятно», тут же снова углубившись в свои бумаги. У неё был чистый, звонкий голос, будто прозрачная вода горного ручья на придонной гальке.

Чувствовалось, что к повышенному вниманию мужчин она привыкла и от этого самого повышенного внимания научилась защищаться равнодушием. Равнодушие в её исполнении не смотрелось как деланное. После этого её красота показалась мне скорее красотой холодных лучей луны, чем красотой тёплого солнечного света.

Успокаивая себя, я подумал, что возможно Таня была из тех людей, кто чувствует слишком сильно, так что уже нельзя терпеть, нельзя жить, и в своё время она получила от жизни жестокий урок, который ещё не изгладился из её памяти.

Костя вывел меня на улицу и сказал:

– Ты, старик, не тушуйся, она со всеми так. Гордая и неприступная дочь степей.

Немного поболтав о том, о сём, мы договорились встретиться у меня дома после того, как у Кости закончится рабочий день.

Неподалёку находилось отделение «Сбербанка» и я решил заплатить сбор за прописку. Когда кассир сказала мне сумму я, не поверив своим ушам, переспросил, а потом спросил «за что?» В целом, общая сумма была совершенно незначительной, но, оказалось, что за перечисление нужно платить значительно больше, чем составляла сама пошлина!!!

И это было не смешно – там, где люди не уважают экономику, там, где что-то стоит столько, сколько это стоит просто не может, достатка и порядка не будет никогда! Мне стало очень сильно тоскливо: рыночная экономика в плане цен работает по принципу домино – падает какая-то костяшка и пошли валиться все остальные. Я молча заплатил, совершенно правильно предположив, что в лице кассирши я встречу особь с такой же жизненной философией, как у жэковской паспортистки.

«Как же люди живут в этой варварской стране?» – думал я по пути домой. Время, проведенное в Германии, каким-то особенным образом не давало мне свыкнуться с мыслью, что это и моя страна.

А, может быть, всё дело было в том, что страна действительно стала мне чужой? Я чувствовал себя как Рип Ван-Винкль – герой знаменитой новеллы Натаниэля Готорна, беспробудно проспавший много лет, и очутившийся в обстановке совершенно ему чуждой.

Глава 6

Вопросом «как же люди живут..?» и началась моя встреча «без галстуков» с Костей Соколовым. Как радушный хозяин я накупил всяких разных закусок и поставил на стол одну из двух привезенных из Германии бутылок «айнциана», как рекламировали её в Дойчланде, – «истинно баварской водки из Берхтесгадена».

Костя, после того как у него десять лет назад родился сын, позволял себе выпить очень редко и начал отнекиваться «я-то не против, но мне нельзя». Я слегка перефразировал Шолома Алейхема:

– Если нельзя, но ты не против, то, значит, можно.

– А может лучше пивка, – не сдался сразу Костя.

– Сердце пивом не обманешь, – щегольнул я, знанием современного славянского фольклора, назидательно подняв палец вверх. Сколько ни пытались немцы приобщить меня к употреблению пива, в этом вопросе я всегда был непоколебимо солидарен с древними римлянами, считавшими пиво напитком плебеев и рабов.

Последовательность тостов была определена ещё с советских времён: Царствие Небесное умершим родственникам всех присутствующих, собственно за повод, по которому собрались, за любовь, за детей и далее всё время «за ананас», имея в виду за себя любимых.

Не стукаясь рюмками, выпили первую. Костя и «айнциан» поначалу проявили несовместимость, но «айнциан» всё-таки был побеждён насильственными действиями.

– Дерьмо ваш «циан» против нашей водки, – хрипло выдохнул Костя после одержанной победы и его передёрнуло. Он был интеллигентом в третьем поколении, поэтому и ругался «по благородному».

Закончив закусывать после тоста «за возвращение блудного сына», Костя удовлетворённо откинулся на спинку кресла.

– Прежде всего, ты должен учесть, что ты вернулся совсем не в ту страну, из которой уезжал. В качестве законного обстоятельства появления той страны, в которую ты вернулся, называют результаты референдума 91 года. Тогда на вопрос «Вы за самостоятельность Украины в составе СССР?» ответило «да» подавляющее количество жителей Украины. Но «да» одна значительная часть жителей, сказали, учитывая окончание вопроса, другая же, значительная часть «дакнула» это окончание вопроса игнорируя. Тогда людей нагло обманули вторым референдумом в этом же году, обыграв самостоятельность, но уже не оговаривая нахождение в составе СССР. С распадом СССР результаты первого референдума, учитывая формулировку вопроса, и вовсе превратились в фикцию. Но именно эти результаты бездумно использовали для легитимизации появления Украины, как самостоятельного государственного образования.

В результате на просторах одной огромной по европейским меркам страны оказались заперты две огромные по европейским же меркам массы населения с совершенно противоположными ментально континентальными предпочтениями – одна, как образец организации жизни видела Европу, другая – Россию. И никому не пришло в голову провести ещё один референдум, результаты которого закрепили бы основы сосуществования этих двух огромных масс населения – государственный язык или языки, направленность внешней политики государства, блокный или внеблокный статус и, наконец, какую страну строить – подобие «банановой республике», где нет среднего класса, или социально ориентированное государство. В страну Украина изначально было заложено противоречие. В соответствие с законом единства и борьбы противоположностей, оно будет постоянно напоминать о себе. В лучшем случае в стране перманентно не будет единой линии развития, соответственно порядка. В худшем, противостояние вполне может вылиться в вооружённые столкновения.

Конкретнее по поводу твоего конкретного вопроса. Живут – неточная формулировка. Правильная – выживают. Всё население страны резко расслоилось на богатых и бедных, без имеющейся в цивилизованных странах мощной прослойки среднего класса. Квинтэссенцию отношений этих социальных групп сформулировали до меня классики. Пропорцию я бы определил, как семь и девяносто три. Но самое главное в том, что объективных условий для появления больших капиталов в стране не было. В том смысле, что законным путём заработать капитал было никак нельзя. Капитализация страны не пошла путём создания новых производственных мощностей в частном секторе. Просто откусываются кусочки, а кому обстоятельства способствуют – кусищи, от государственных мощностей. Собственность распределяется, захватывается путём махинаций, переходит из рук в руки после «разборок» до кровопролития, выманивается у государства за обещания инвестировать в предприятия заграничные миллионы, которые до этого разворовываются в мгновение ока. Вот и получается, что практически все люди, имеющие деньги в этой стране, – преступники. Не мне тебе политологу объяснять, что далее капитал пойдёт во власть. И понятно, что это будет за власть, если «заказывать музыку» будут такие капиталисты. Ещё хуже то, что богатые начали группироваться в кланы, а кланы эти обязательно столкнутся между собой и чубам мужиков это ничего хорошего не предвещает. Власть, не опирающаяся на согласие тех, на кого она простирается, – обыкновенный обман, и не может он длиться долго, такая власть находится в неустойчивом положении между страхом и мятежом и в мгновение ока перестаёт быть властью, когда достаточное количество людей приходит совместно к одним и тем же мыслям.

– В Германии, когда речь заходила об Украине, то и дело звучало слово «кризис», – удалось вставить мне.

– По-моему, мы имеем дело не с кризисом, а с дебилистическим подходом к решению экономических проблем. Непрофессионализм, глупость, жестокость, варварство...

– И всё же какие-то кризисные явления есть, – снова быстро вклинился я.

– Какие? Всё субъективно, predetermined не экономическими, а именно политическими решениями. Всех тех несчастий, которые обрушились на страну, можно было избежать. Это не кризис, а архидикость, архиглупость и архиворовство.

– Ну, а люди на это что? – спросил я Костю.

– Что, что, – рассердился почему-то Костя. – Психологической доминантой основной массы населения в этой стране всегда был принцип «моя хата с краю». Бесчестны, глупы, скупы, неблагодарны и малодушны!

– Ну почему? – возразил я. – Помнишь, как шахтёры поднялись против шестой статьи советской конституции.

– Знаешь, я очень сильно подозреваю, что тогда ЦРУ через посредников «местного разлива» просто купила шахтёрских профсоюзных боссов и те взбаламутили гегемон. И только сейчас становится понятно, что шахтёров использовали, как туалетную бумагу. Я недавно статью готовил о возможном закрытии шахты, которая у нас на окраине города – готовятся идти походом на Киев, стучать касками перед Кабмином. Шахтёры локти себе кусать готовы. Но власть сейчас уже без крови не исправить, и стук касок об асфальт – просто процедура издания звуков, а никак не грозное предупреждение. Всё равно, что пускать в небо голубей, в надежде пробудить в шакалах гуманность.

– Почему? А если шахтёров поддержат все профсоюзы?

Костя изумлённо посмотрел на меня: – Здесь тебе не Европа и не сытые США, если собиравешься здесь оставаться, то усвой это в первую очередь. Здесь мы имеем голодную, разорённую страну с уголовниками, рабами, сумасшедшими и не привыкшими жить самостоятельно людьми, впервые получившими свободу действий. Мне вообще непонятно, зачем тебе было сюда возвращаться, если можно было остаться жить среди нормальных людей?!

Не имея контраргументов, я только развёл руками.

– Понимаешь, если решили, так сказать, строить капитализм, я не против избавления от, как они говорят, «наслоений коммунистической идеологии». – Кто такие «они» Костя объяснять не стал. – Мы с тобой достаточно поработали внутри «руководящей и направляющей», чтобы понимать – последователи товарищей Маркса и Ленина на практике так изуродовали их теоретические выкладки, что коммунизм сейчас люди не могут воспринимать иначе, как миф. Хотя, окончательно отвергнуть саму идею невозможно: свобода, равенство, братство – квинт-эссенция всех человеческих устремлений. Но вместе с мифологией они начали избавляться от системы организации и обеспечения жизни, в которой было немало хорошего. Разрушение заняло то место, которое должно было занять строительство. Я по скудоумию своему – «академиёв», как некоторые, мы не кончали – полагаю так: строится фактически новая страна, так будьте добры – разработайте проект, план, концепцию, неважно, как это назвать, но чтобы мы все знали, что строим, куда идём. Нас с тобой «партия учила» так – определяешь чёткие цели, сообразуясь с реальностью, намечаешь пути реализации запланированного, назначаешь сроки и ответственных за исполнение. Потом изыскиваются и концентрируются денежки для реализации намеченного, и остаётся, как учил «вождь мирового пролетариата», учёт и контроль. Только контроль реальный, а не декларативный; контроль вплоть до лишения виновных голов в самом наипрямшем смысле. Ничего этого нет! Я скажу больше – вообще непонятно кто и чем руководит, кто принимает решения! – у Кости от его пламенного монолога, по-видимому, пересохло в горле, он налил себе минералки и выпил.

– Нынешнему президенту недолго осталось. Люди предателей не прощают, это на уровне подсознания в нас заложено. Служил преданно «делу коммунизма», а потом вдруг оказалось, что он-то всё время в глубине души был за западную модель развития общества. Так не бывает! Он, как Ленин учил, дословно не помню, но что-то типа «чувствуешь, что не способен управлять массами – возглавь их». Возглавил. Но, революции проходят, а после них реальные обладатели реальных денег обязательно приводят к власти «своего в доску» главного. Марионетку, которую в нужный момент всегда можно за ниточку дёрнуть. «Уйдут» его, только будет ли другой лучше? Сомневаюсь! Вся политика сейчас – это борьба за место, на котором можно побольше украсть. Поэтому в политике сплошь интеллектуальные посредственности, но зато обладающие волчьей хваткой и лисьей хитростью. В национальные лидеры всё более явно и явно прутся нувориши-воры из госкармана и нувориши-бандиты. Знаешь, не удивлюсь, если кто-то из имеющих уголовные «ходки» прорвётся к самым высшим государственным должностям! А то и к самой высшей!

– Ну, это ты, Костя, хватил уже через край! Насколько мне известно, мировая практика такого не знала. Да и вообще, это противоречит здравому смыслу, всем принятым в мире этическим нормам и правилам. Кто такую страну уважать будет после этого? Ну, где-то там в Африке, в Южной Америке, но в самом центре Европы... Этого не может быть, потому, что быть не может! – возмущенно прокомментировал я Костино предположение.

– Кто знает, кто знает, – задумчиво сказал Костя. – В любом случае главная беда заключается в том, что попирается истина – основа всего есть экономика и ею надо заниматься в первую очередь. От осознания этой истины людей уводят, стравливая друг с другом. Если уж так получилось, в фактически двуязычной стране, прежде всего, необходимо было бы выработать концепцию, которая объединила бы русскоязычный Восток и украиноязычный Запад. Вместо этого, преимущественное право на идеологию страны Украина всё больше и больше отдаётся на откуп «западникам». Со всеми отсюда вытекающими... – Костя вздохнул и умолк.

– «Национализм – струна, звенящая под самой неискусной рукой».

– Это ты правильно сказал, – вскинулся Костя.

– Это не я, это Стефан Цвейг правильно сказал.

– Вот из-за звона этой самой струны и рушится сейчас экономика. Национально озабоченные дебилы в противостоянии с начинающими остепеняться бандитами, которые быстро

сообразили стать «защитниками интересов» русскоязычной части населения, ставят с ног на голову аксиому «основоположника» о том, что «политика, есть концентрированная экономика». Мораль и тех и тех основана на чертах характера «от инстинктов», которые остались в человеке от его общих предков по эволюционной лестнице – динозавров и хищных млекопитающих: индивидуализм, высокомерное сознание собственной исключительности, бессердечие и равнодушие. И те, и другие, по-моему, просто играют какой-то глупый спектакль. Экономикой, в смысле для блага всей страны, в ходе этих показушных войн им заниматься просто некогда. Они на полном серьёзе считают, что «рыночная экономика расставит всё по местам» и сейчас в стране развивается экономика «базарная». – Я сразу вспомнил киевскую «барахолку». – Не заботясь о том, чтобы сохранить основу основ – своё производство – в страну отовсюду везут всякий иностранный хлам. Польша за наш счёт, смотри, как поднялась, теперь турки подниматься начинают. А эти всё ломают головы и в прямом и в переносном смысле, кого на будущих деньгах изображать. Будто деньги это не средство обмена, а агитационный плакат. Демократия воспринимается, как анархия. Всё, что нужно было бы делать в первую очередь, забалтывается, забумаживается и тонет в море всяческих второстепенных с точки зрения экономики глупостей. Любое правительство во все времена это, образно говоря, – хвост, который вертит собакой, Наш же хвост уже просто вытряхивает из собаки душу!

Костю перебил звонок в дверь.

Глава 7

Когда мы с «братухой» установили и опробовали в зале видео двойку и я, расплатившись, проводил его, Костя продолжил:

– Самое страшное заключается в том, что напрочь исчезло то, что я называю «главным завоеванием социализма» – уверенность в завтрашнем дне. Пропало у всех без исключения чувство безопасности, что ли... Помнишь, ложишься спать в твёрдой уверенности, что проснёшься, и хлеб, как был по двадцать копеек, так и будет; что вырастет твой ребёнок, есть у него что-то в голове – без всяких взяток поступит в институт; окончит институт – не надо ломать голову, куда идти работать и так далее. А сейчас жизнь всё время дорожает, элита всё больше учится заботиться лишь о самой себе.

Костя грустно вздохнул, покачал головой, махнул рукой: – Наливай за детей! За твою Таню и мою Лену выпьем после этого.

Я удивлённо уставился на Костю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.